

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал №11 (74)
ноябрь, 2022

*Андрею Николаевичу Балдину,
писателю, архитектору,
книжному графику,
посвящается*

БОЛДИНО

ПОЭМА

Ольга Даранова

Россия, славься долги лета!
Хранима будь перстом Христа.
Твоих красот не счесть поэту,
Но есть заветные места.

Туда влечёт неукротимо,
Там миром полнится душа,
И в тишине неуловимо
Идут столетья не спеша.

Там вдаль манящие аллеи
Хранят летучий звук шагов
И вечер, тихо пламенея,
Доносит отзвук вечных строф...

1

Большое Болдино. Исконно
Забортники, земля мордвы.
...Здесь в небеса цветисто, звонно
Вонзались Грозного шатры.

Здесь на лугах за чёрным лесом
Тянуло мёдом диких пчёл.
Оберегаемый Велесом,
Качал волну рыбацкий чёлн.

Здесь вечерами вьюга пела,
Усадьбу старую храня,
Да древняя ветла скрипела
Вслед убегающим саням.

Евстафий Пушкин, воевода,
Наместник царский, дипломат,
Здесь землю получил в угоду
Царю и родине. Виват!

Три века Пушкины владели
За службу ратную землёй,
Здесь, в арзамасской колыбели,
Нашли заслуженный покой.

Века минули. Пали росы
Не раз на сонную траву.

Другие праведные россы
Сложили головы во рву.

О том звонят во храме белом,
И звон тот слышен далеко.
И путник крестится и смело
Шагает вольно и легко.

2

Я еду в Болдино. И снова
Стоит осенняя пора...
Вот поворот на Кистенёво!
А вон знакомая гора...

Господский дом. Горбатый мостик.
Часовня, старый парк, пруды.
И время вспять, и снова осень,
И манят прошлого следы...

«Мне здесь покойно. Здесь я дома!»
Не шелохнётся гладь пруда.
Сафьяном пушкинского тома
Расцвечена времён гряды.

Иду берёзовой аллеей.
Просторно глазу, даль чиста!
Вдали нарядно храм белеет,
И плавно лист летит с куста...

А в доме сумрак, тени длинны,
Луч золотится на полу,
Портретов череда старинных...
Иду к ломберному столу.

Чернила чётки! Его строки,
Рисунки, вымаранный лист...
И вензеля размах широкий,
Как злой пурги протяжный свист.

Обитель скромная, оконце,
Шкаф с книгами, бюро, диван.
Потоком утреннего солнца
Наполнен день, что Богом дан

В его не отнятую осень
В нижегородской стороне,

Где одиноко стынет озимь
Да вёрсты долгие одне...

3

Сергею Львовичу в наследство
Досталось Болдино. Но он
Склонялся больше к жизни светской,
Деревней был не бременён.

В канун венчанья с Гончаровой,
Предупредив судьбы изъян,
Он дарит сыну Кистенёво
Да двести душ при нём крестьян.

Летит кибитка, кони сыты,
Ямщик удал на облучке,
За ним, дохой по бровь закрытый,
Он дремлет. Свёрток в сундучке

Любимых книг, и образ милой,
И замыслов небесный хор.
...Под вечер, ветренный и стылый,
Кибитка въехала во двор.

Убранство зальца скромно, просто:
Диван, три кресла, круглый стол,
Окно, за ним – печаль погоста,
С веранды виден тёмный дол.

От первых Пушкиных часовня,
Усадьба старая, дубы.
Тропинка узенькая ровно
Ведёт на пращуров гробы.

...Пьют чай. Вишнёвое варенье
В гранёном тонком хрустале.
И, не допив от нетерпенья,
Он ищет рукопись в столе.

Пока легка и дерзновенна
Строка рождается... Лишь миг!
И образ девы незабвенной
Летучим облаком возник!

4

Свершив дела по Кистенёву,
Торопится назад в Москву.
Пленительная Гончарова
Там ждёт, готовая к родству.

Но обстоятельства – холера –
Поэту вынужденный плен
Здесь уготовили, но вера
Спасла от грустных перемен.

Затворничество и свобода!
И радость вольного труда!
Ему, как в это время года,
Так не писалось никогда!

«Мой милый! – пишет он Плетнёву. –
Деревня наша – прелесть, рай!
Стихов и прозы уж готово
Для вкуса разного – вкушай!

Вообрази: покой и воля!
И степь да степь! Скачу верхом.
Пью кофей. И до сладкой боли
Вожу восторженным пером!

Наполнен день трудом и негой,
А вечером под ветра хор
Приятель добрый мой Онегин
Со мной вступает в разговор.

А что за прелесть здесь селянки!
Как мне мила их доброта!» –
И образ барышни-крестьянки
Рисует на полях листа.

Ноябрь тёмный на исходе,
Прохладна смятая постель.
Скрипят дрова, и ветер бродит,
И сладко пишется «Метель»...

И вот уже иные страсти,
Те, что волнуют до сих пор!
Вот символ Зла и символ Счастья –
Хуан и Анна, Командор.

Ах, Моцарт милый, пела скрипка
В таверне грустно для тебя,
И мир прощальною улыбкой
Благословил тебя, любя...

«Ты, Моцарт, Бог, того не зная...»
Да знает он – в том крест его!
Великие – те, кто прощают.
Великим гибнуть суждено.

Он пишет, гений темнокудрий...
Стремительно бежит строка.
Ко лбу взметнулась в мысли мудрой
В запястье тонкая рука.

Перо застыло, взгляд печален,
Оливы глаз блестят в ночи.
В какие давности и дали
Сейчас ты смотришь и молчишь?..

Не свой ли злой январь предвидишь,
В Сальери заговор храня?..
Свою Мадонну не обидишь...
Семь лет до рокового дня.

5

Год тридцать третий. Думы, думы...
Влекут Поволжье и Урал,
Седая степь, где вран угрюмый
Останки воинов клевал.

Где на закате в дни иные,
Сдирая вензели подков,
Храпели кони вороные,
Гулял по степи Пугачёв.

Какая сила в нём таилась,
Чем чёрный люд он приковал?
Добром ли, злобой сердце билось,
Когда казнил и пировал?

Народной злобе нет предела,
Крестьянский бунт страшней чумы.
...Не те ли песни нянька пела,
Скрываясь под покровом тьмы?

Сомнений сонм: отец семейства,
Виски морозец серебрит,
Прошла пора эпикурейства...
Но за Россию грудь болит...

В реке судьбы он ищет броду.
Мысль как буравящий свинец:
Долготерпению народа
Придёт желаемый конец?

Какая нам судьбина выйдет?
И что история гласит?
Чей меч незванный нас обидит,
Кто Русь святую защитит?

Душа в смятенье... Дом и детство
Вдруг вспомнились в завесе слёз,
Былая радость малолетства
И свет захаровских берёз.

Он наблюдал, как блещет разум!
Карамзина ловил строку,
Когда сидел, не видим глазом,
В гостиной молча в уголку.

Седых пиитов меткой фразой
Разил, как пущенной стрелой,
По-африкански быстроглазый
Москвич с мятущейся душой.

Лицей и дружество! Прогулки!
И вольнодумства первый всплеск!
Стон о казнённых эхом гулким
И эполетов грустный блеск...

И вот уже поэт опальный
На юге коротает срок...
А над Россией звон кандалный
Поплыл с Сенатской на восток.

Воспоминания волнуют...
Плащ вымок, замысел готов.
Он вновь дорожный скарб пакует.
Занозой в сердце – Пугачёв.

6

От Нижнего до стен Казани,
Где Арским полем стан стоял,
Где на широком поле брани
Старинный город запылал.

А дальше он – на стрежне Волги,
В Симбирске. Знатная река!
Брега круты, рассветы долги,
Волна игрива, широка!

Преданий слышит он немало,
В дому Языковых гостит
И до лучей закатных алых
Всё рукописью шелестит.

Внимая долгой песне русской,
Он едет дальше, на Урал,
Где скрыт в просторах оренбургских
Киргиз-кайсацких орд оскал.

От крепости и до станицы
Воспоминаний слышит рой.
Молва вослед несётся птицей:
Заступник, душегуб, герой...

7

А путь обратный в ту же осень
Вновь через Болдино. Суров
Октябрь, но в небе просинь...
И в рукописи – «Пугачёв».

«Я снова в Болдине, друг милый! –
Он пишет нежно Натали. –
Здесь выпал снег, придав мне силы.
Творю и грежу о любви...»

Рассвет чуть брезжит, он уж пишет,
От замыслов могуч и рьян,
Из глуби лет преданья слышит
И песни западных славян.

Под ветра свист в оконной раме
Не раз за ломберным столом
Являлся образ Старой Дамы,
Грозящей сморщенным перстом.

Под бег родимого Савраски
По свежей утренней поре
Легко рождались чудо-сказки
На радость местной детворе.

Душой он здесь, а мысль далёко...
Там, где над вздыбленной Невой
Глядит на мир царёво око,
Гордясь великою страной.

Подсвечен лишь луною бледной,
Стоит он, гордый и немой,
Величественный всадник медный
Над равнодушною Невой.

В ту пору, о какой писал он,
Случилась страшная беда.
Нева безумием дышала,
И понеслась окрест вода...

Людей погублено немало,
Без крова тысячи! Мольбы:
«За что сие такое стало?
Что наша жизнь? Игра судьбы?»

«Кто ты, создатель Парадиза?
Царь-реформатор, славный Пётр?» –
Он вопрошает и эскизы
К поэме «Медный всадник» рвёт.

«Кто ты, Антихрист или Гений,
За что караешь жизнь мою?» –
Проклятья шлёт ему Евгений,
Царю и медному коню.

8

В последний раз судьба дарует
Поэту творческий приют.
В последний раз октябрь ликует,
И клёны злато листьев льют.

Дела на грани разоренья,
Хлопот хозяйственных не счесть...
Он едет в старое именье
Спасти родительскую честь.

В углу усадебного парка
В конторе вотчинной живёт.
...Дрова в печи играют жарко,
В сенях дворовая поёт.

Он мыслит «Капитанской дочкой»,
В конторке черновик лежит.
Но смута дел сулит отсрочку,
И день без творчества бежит.

А Болдино в душе осело...
Оставить свет мечтает он.
Забрать семью, зимою белой
К родным могилам на поклон.

Но непреклонен царь, свободным
Поэту быть не суждено.
Прощай, родимая природа!
Прощай, родное Болдино...

Идёт в Лучинник он, всё дальше,
В глубь рощи, где заросший пруд.
Шуршит прощально лист опавший...
«Прощай, осенний мой приют!

Здесь я был рад предаться неге
Уюта и домашних дел.
Я мирно жил, и в резвом беге
Строки я много преуспел.

Теперь мой путь домой, в столицу,
Там ждёт любимая семья.
Прощайте же, родные лица,
Увижу ль, Болдино, тебя?»

Наутро лошади готовы.
Прощальный взгляд на старый дом...
И снега первого покровы
Легли на древний отчий холм.

Вдогонку ветер листья косит,
И словно в долгом райском сне
Осталась Болдинская осень
В нижегородской стороне...

ПУШКИНИАНА

* * *

О время! Ты неумолимо!
Всё дальше день, когда возок
На горизонте обозримом
Мелькнул в излучине дорог.

А здесь всё та же ширь и осень,
Всё те же липы над прудом,
И звук шагов его доносит
Бессонницей объятый дом.

Апраксино, Лучинник, Львовка,
Усадьба и фруктовый сад
Да лес чернеющий мордовский
Поэта дух в себе хранят.

И колокольца звон хрустальный
Нам чудится через века,
И профиль чёткий и печальный
Доносит времени река.

Февраль 2019 г.

Лев Нецветаев. «Прощай, письмо любви...» Б., акв. 1987

